ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Э. Бойков

РЕФОРМЫ 90-Х ГГ. XX СТОЛЕТИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

БОЙКОВ Владимир Эрихович – доктор философских наук, профессор, директор Социологического центра РАГС, главный редактор журнала «Социология власти» (e-mail: boikov@ur.rags.ru)

Аннотация. *Публикуются результаты мониторинговых социологических опросов российского населения, осуществленных Социологическим центром РАГС в 90-х гг. Анализируются некоторые тенденции эволюции российского общества в первое десятилетие постсоветского периода. Главным информационным поводом представленных в статье материалов стало 80-летие со дня рождения первого Президента России Б.Н. Ельцина.*

Ключевые слова: *отношение к экономической реформе, социальная напряженность, политическое сознание и поведение.*

1. Социально-психологический фон реформирования экономики

В 90-е гг. в Российской Федерации произошла очередная глубокая трансформация социально-экономических, политических и духовных отношений. Она существенно изменила вектор развития российского общества в целом, глубокое повлияла на фундаментальные характеристики большинства россиян – их социальное положение, структуру потребностей, интересов и ценностей, на социальные притязания, гражданские позиции и ментальные характеристики.

Следует подчеркнуть, что еще в конце 80-х гг. в общественном сознании советского общества был поколеблен синдром восприятия социализма как «единственно верного» пути развития. В значительной мере этому способствовала «горбачевская» перестройка, идеологи которой демонстрировали освободительную миссию преодоления административного диктата партийно-советской бюрократии и строительства «социализма с человеческим лицом». Однако результаты перестройки оказались весьма проблематичными.

К 1990 г. обострились кризисные процессы в экономике и политические противоречия, обусловившие деградацию КПСС, представлявшей собой становой хребет политической системы СССР. Спонтанными последствиями перестройки стали: обособление республик и регионов от центральных властей и друг от друга, разрыв традиционных хозяйственных связей в экономике страны, рост уровня социальной и межнациональной напряженности, ухудшение качества жизни.

Судя по данным социологических опросов, на рубеже 1980–1990 гг. большинство населения страны устало от ощущения социальной безысходности, утратило надежду на нормализацию обстановки в ближайшем будущем. В массовом сознании назрело стремление к порядку, обеспечение которого связывалось с приходом к управлению административно-территориальными образованиями всех уровней и страной в целом новых руководителей, способных обеспечить стабилизацию экономики и социальной сферы, добиться прекращения межнациональных распрей, обуздать преступность, преодолеть ряд других острых проблем.

Эти обстоятельства стали катализатором выхода многих людей из политической спячки и обращения различных политических сил к поиску новой модели общественного устройства. В стране появились народные фронты, партийные структуры, депутатские группы и другие центры общественно-политического влияния, требующие участия во власти. Несанкционированные митинги с критикой властей, в которых участвовали многие оппозиционно настроенные члены КПСС, политические и экономические забастовки стали нормой общественной жизни. В сложившихся условиях символом демократических преобразований в России стал Б.Н. Ельцин, а идеи перехода к рыночной экономике и политическому плюрализму были с энтузиазмом восприняты общественным мнением.

В ту пору лица, участвовавшие в опросах, не имели отчетливого представления о том, что их ожидает в результате отказа от плановой экономики и уравнительного распределения материальных и социальных благ, так как сознание населения формировалось в советском обществе. Тогда мало кто допускал саму мысль о возможности приватизации нефтяных, металлургических, машиностроительных и ряда других базовых предприятий реального сектора экономической деятельности. По данным опросов населения и служащих органов государственной власти, отрицательное мнение преобладало по поводу возможного перевода на рыночную основу социальной сферы – здравоохранения, физкультуры и спорта, культуры, образования. Тем не менее неуклонно увеличивалась доля людей, выражавших положительное отношение к легализации частного предпринимательства в бытовом обслуживании, торговле, общественном питании, к созданию на селе частных фермерских хозяйств и т. д.

В ответах респондентов фиксировались и опасения по поводу возможных рисков, в числе которых главными были негативные ожидания неиз-

бежности роста цен на товары и услуги (47% опрошенных)[1]. Эти опасения оправдались в полной мере. Однако в общественном настроении доминировали надежды, рождавшие социальный оптимизм в обществе. Основная масса опрашиваемого населения рассчитывала на преодоление бесхозяйственности, обусловленной тем, что государственная собственность оказалась в малопочтенном разряде «ничейной». Переход к рыночным экономическим отношениям воспринимался как панацея от всех бед, в особенности товарного дефицита, как средства преодоления отчуждения труда и уравниловки в его оплате.

Такой вектор настроений в обществе объясняется прежде всего тем, что заработная плата тогда (да и в настоящее время) является для подавляющего большинства граждан основным, подчас единственным, источником средств к существованию. Нельзя сбрасывать со счетов и явно выраженное стремление множества трудоспособных граждан самостоятельно добиваться желаемого ими социального статуса и приличного уровня благосостояния.

В результате институциональных изменений в экономике в 90-е гг. российское общество радикально изменилось. Формально (де-юре) каждый гражданин России получил право заниматься предпринимательством и участвовать в конкурентной борьбе не рынке труда и в других областях жизни. Появилось разнообразие форм собственности, в результате чего были созданы предпосылки для свободы выбора при найме на работу и повышения уровня социальной мобильности. В обществе наблюдался определенный социально-психологический подъем, который, правда, к середине 90-х гг. сменился глубокой депрессией.

Отмечая субъективную предрасположенность большинства российского населения к рыночной экономике, следует подчеркнуть, что реальная практика реформ оказалась весьма далекой от ожиданий не только обывателей, но и ученых и политиков. Фактические результаты осуществленного сценария перехода к рынку привели к результатам, нередко противоположным декларируемым. Они выразились в резком ухудшении состояния российской экономики в целом и в еще большем, чем прежде, угнетении человеческих ресурсов производства. Проблемы заключались не только в тяжелом бремени, которое вынуждено было нести российское население из-за кризисного состояния экономической и социальной сферы. В течение 90-х гг. в стране не были преодолены многие прежние противоречия, но при этом появились новые, тормозящие переход к эффективной экономике, социальному государству и раскрепощению человеческих ресурсов производства.

Это обстоятельство предопределило нарастающий негативизм в отношении большинства российских граждан к государственной социально-

[1] См.: *Бойков, В.Э.* и др. Общественное сознание и перестройка. – М., 1990. – С. 83; Человек и рынок: социально-политические аспекты. Информационный бюллетень.– М., 1991.– С. 9 –13.

экономической политике и к реформам, в которых недооценивался социально-культурный контекст радикальных преобразований. Такой вывод подтверждается материалами социологического мониторинга массового сознания. Даже среди опрошенных в феврале 2001 г. 400 предпринимателей государственного, смешанного и частного секторов экономики, которые по своему положению как бы априори составляют социальный ресурс перехода к рыночной экономике, более половины выразили отрицательное отношение к сценарию проводимых экономических реформ.

Отрицательное отношение общества вызывали методы осуществления рыночных преобразований – приватизация собственности на основе ваучеров и залоговых аукционов, отказ от социальной направленности экономики, от общественного контроля крупного капитала и др. Никто в полной мере не мог предусмотреть, какие трудности появятся в ходе реформ. Но столь резкий спад производства, многократный рост цен на товары широкого спроса, деградация здравоохранения, рост коррупции и многие другие отрицательные следствия реформирования обоснованно оценивались общественным мнением не столько как неизбежные издержки перемен, сколько как пренебрежительное отношение правящих кругов к народу, к социальным правам и гарантиям большинства граждан.

Многочисленные зондажи общественного мнения того времени свидетельствовали, что трудности реформирования общества не породили массового желания реставрировать социализм в его прежней форме. Даже наиболее болезненные для населения страны обвал цен в 1992 г. и финансовый кризис после августа 1998 г., обнажившие изъяны экономической политики 90-х гг., не отвратили основную часть россиян от идеи перехода к рыночной экономике.

Главный порок, обусловивший неприятие общественным мнением результатов реформаторской деятельности, выразился в том, что труд многих категорий работников, занятых по найму на производственных предприятиях и в социальной сфере, не только не был выведен из положения «бросового товара», но и обесценился еще больше, чем в дореформенные времена. Как свидетельствуют специалисты, нацеленность российского бизнеса на извлечение максимальной прибыли в кратчайшие сроки, экономия работодателей на заработной плате наемных работников привели к тому, что доля оплаты труда занятых в реальном секторе экономики составила только около трети или даже четверти стоимости производимой ими продукции. Эта доля в два-три раза меньше, чем в других индустриально развитых странах. В результате оказалась утраченной стимулирующая роль оплаты труда. Радикальные институциональные изменения на макроуровне (в отношениях собственности, распределения и потребления), произошедшие в российском обществе в 90-е гг., практически не улучшили (а порой ухудшили) отношения в социально-трудовой сфере.

По социологическим данным, за 10-летний период экономических реформ система материального стимулирования труда (во всяком случае,

как она воспринимается основной частью занятых производством товаров и услуг) практически не изменилась. Но при этом в целом ухудшилась социальная обеспеченность граждан, которая до реформ поддерживалась за счет благ, выделяемых из общественных фондов потребления. А это означает, что реформы для большинства людей (на микроуровне) обернулись не новыми стимулами и возможностями собственным трудом обеспечить нормальную жизнь, а в основном социальным бременем. Если при советском политическом режиме система оплаты труда была подчинена уравнительному распределению материальных благ с целью более-менее равномерного удовлетворения потребностей населения, то главной целью перехода к рыночной экономике стало получение максимальной прибыли, к распределению которой рядовые работники не имеют никакого отношения.

Так, например, на вопросы, рассчитываете ли вы на увеличение заработка по своему основному месту работы при условии, что будете работать лучше; и напротив, уменьшится ли ваш заработок, если будете работать хуже, ответы распределились следующим образом (см. табл.1).

Таблица 1

Суждения о связи между уровнем трудовой активности и заработной платой (в%)

Варианты ответов на вопрос «Если вы будете работать с большей отдачей сил, ваш заработок увеличится?»:	1990 г.	2001 г.
Значительно увеличится	6,0	7,3
Немного увеличится	26,1	23,2
Не изменится	67,9	65,3
Затруднились ответить	–	4,2
Варианты ответов на вопрос «Если вы будете работать с меньшей отдачей сил, ваш заработок уменьшится?»:		
Значительно уменьшится	26,0	16,8
Немного уменьшится	28,1	22,0
Не изменится	45,9	54,3
Затруднились ответить	–	6,9

Сложившуюся ситуацию отражает также распределение оценок, которые выразили руководители предприятий реального сектора экономики, опрошенные в 2000 г. в качестве экспертов. На вопрос, как изменится размер зарплаты подчиненных им рядовых работников при улучшении или, напротив, ухудшении работы, до 70% из них заявили, что изменения будут минимальными или их вовсе не будет.

За первые 10 лет реформ сложившийся в результате приватизации слой собственников в погоне за прибылью в целом не способствовал, а препятствовал развитию производства и улучшению условий жизни населения. Многие потребительские бесплатные блага стали платными в силу

того, что раньше расходы на них, как уже отмечено, покрывались за счет общественных фондов потребления, при переходе к рынку они оплачиваются населением и приносят доход бизнесу.

Ситуация, при которой величина оплаты труда была мало сопряжена с трудовой отдачей и не позволяла основной массе работников удовлетворять насущные потребности, неизбежно обусловила деградацию человеческих ресурсов производства. Острота проблемы выразилась в том, что в этих условиях многие трудоспособные граждане зачастую утратили стимул повышать уровень деловой квалификации, необходимый для нормального функционирования машиностроения, сельского хозяйства и других видов экономической деятельности. Они смирялись с процессом люмпенизации, держались за рабочее место лишь в силу неустойчивого положения на рынке труда.

Другая ипостась этой же проблемы проявилась в том, что многие люди в силу сложившихся обстоятельств оказались вынужденными искать способы получения денежных средств в неформальной («теневой») экономике. По официальным статистическим данным, в 90-х гг. в ней было занято 16% трудоспособного населения России. По данным социологического опроса, 65,6% респондентов для увеличения своих заработков стали работать дополнительно на основной работе или подрабатывать на стороне. Из них свыше половины (57,2%) отметили, что не оформляли дополнительную трудовую занятость официально трудовыми соглашениями с работодателями или уполномоченными органами.

Последний сюжет особенно примечательный. Он служит отправной точкой для заключения о том, что одним из очевидных результатов 10-летнего периода реформаторской деятельности стало кратное увеличение «теневого» экономического уклада в России по сравнению с дореформенными временами. По оценкам различных экономистов, в «теневой» экономике в России в 90-х гг. производилось до 40% валового внутреннего продукта (ВВП).

Бурное развитие «теневой» экономики началось в годы «горбачевской» перестройки, когда при государственных предприятиях были созданы кооперативы. Они, пользуясь налоговыми льготами и несовершенством законодательного регулирования экономической деятельности, создали «теневые» капиталы путем перекачки оборотных средств государственных предприятий на счета кооперативов. В дальнейшем, т. е. в 90-х гг., «теневая» экономика получила новый импульс развития на основе приватизации государственной собственности, осуществленной зачастую по коррупционным схемам. Но, пожалуй, главным обстоятельством развития «теневой» экономики стало то, что государственная власть, оказавшись неспособной в переходный период обеспечить социально-экономическую стабильность в обществе на основе официальной экономики, полуофициально поощряла «теневые» формы экономических отношений. Именно этим было обуслов-

лено массовое развитие залоговых аукционов без фактического возврата кредитов в государственный бюджет, бартерной торговли, мелкооптового беспошлинного завоза товаров ширпотреба из-за рубежа для продажи населению (челночничество), бесконтрольной уличной торговли и др.

Притягательная сила «теневой» экономики состояла в том, что она эффективнее официальной экономики способствовала реализации ситуативных экономических интересов предпринимателей и менеджеров, сочетающих легальный и «теневой» бизнес. Для десятков миллионов так называемых «рядовых граждан» участие в «теневой» экономической деятельности в качестве работников, а также потребителей товаров и услуг было (и остается) одним из условий выживания. Сказанное иллюстрируют данные опроса, проведенного в феврале 2001 г. На вопрос «Такие люди, как вы, имеют возможность увеличить свои доходы и повысить уровень жизни, не нарушая законов?» ответили отрицательно 58,4% предпринимателей и 54,7% занятых по найму.

Можно назвать ряд значительных причин, обусловивших пробуксовку экономической реформы в 90 гг. В их числе не последнее место имеет тотальное равнодушие основной части населения к собственной судьбе, отсутствие желание и воли изменить ее к лучшему. Как представляется, именно в силу этого прежнюю командно-административную модель государственного управления сменила еще более бюрократизированная и крайне коррумпированная модель, при которой процветают те, кто нацелен на захват собственности и власти.

2. Социальное самочувствие россиян

Результаты реформирования российского общества в 90-е гг. весьма существенно отразились на социальных отношениях и процессах. Имеются в виду не только проблемы большой дифференциации доходов богатых и бедных слоев населения, безработицы, обнищания значительной части россиян, на которых, как правило, концентрируется внимание политических деятелей и исследователей. С точки зрения социологии важно также обратить внимание на многочисленные социальные деформации, сопряженные с реальной практикой реформ. В их числе доминирование нисходящей социальной мобильности в обществе, долговременный стресс, который испытывает немалая часть российского населения, деградация системы ценностного и нормативного регулирования жизнедеятельности общества и ряд других проявлений социальной аномии, обусловливающих дезинтеграцию социума.

Как показала история развитых стран Запада, опыт которых пропагандировался в 90-х гг., становление капитализма в них сопровождалось активным перемещением индивидов и социальных групп по ступенькам социальной лестницы. По оценке известного американского социоло-

га П. Сорокина, утверждение капиталистических отношений дало толчок подъему экономики, чем было обусловлено преобладание восходящей социальной мобильности в странах Запада. Иначе говоря, большинство людей переходило с нижних социальных позиций к более высоким ступеням. В социальной структуре общества формировался средний класс с относительно высоким уровнем благосостояния. Что особенно важно, происходило сокращение имущественного интервала между беднейшими, средними по уровню доходов и богатыми слоями населения.

В российской действительности 90-х гг. изменения в социальной структуре общества в целом противоположные. В социальной мобильности нисходящие перемещения преобладали над перемещениями восходящими. В итоге образовался небольшой по численности, но влиятельный слой богатых людей и неуклонно увеличивался слой бедняков, в том числе имевших доходы ниже величины прожиточного минимума. По официальным данным Федеральной службы государственной статистики, в 1999 г. доля бедняков в составе российского населения составляла 35%. В дальнейшем этот показатель несколько уменьшился, но продолжает оставаться высоким.

Не менее красноречивы изменения коэффициента дифференциации доходов, характеризующего степень социального расслоения. Этот коэффициент определяется в виде соотношения между средним уровнем денежных доходов/заработной платы 10% населения (работников) с самыми высокими доходами/заработной платой и 10% населения (работников) с самыми низкими доходами/заработной платой. С 1992 г. разница между этими доходными группами стремительно увеличивалась и, по официальным данным, в 1994 г выражалась в пропорции 15 : 1. В последующие годы степень социального расслоения возрастала и в 2008 г. выражалась пропорцией 1 : 16,9[1]. Отечественные и зарубежные эксперты полагают, что социально-экономическое неравенство в России по показателю величины получаемых доходов в 2 –2,5 раза выше официально признаваемой Росстатом РФ.

Возможности восходящего социального продвижения определяются, как известно, рядом факторов: отсутствием сословных и статусных привилегий, подъемом экономики, развитием системы общего и профессионального образования, разнородными социальными поощрениями, стимулирующими восхождение по социальной лестнице тех, кто прошел военную службу, исполнял какие-то другие необходимые обществу гражданские обязанности. Все эти факторы в 90-х гг. минувшего столетия проявлялись в России со знаком «минус». Обвальный характер имели остановка или ликвидация предприятий, что обусловило доминирование в российском обществе нисходящей социальной мобильности. Главное, произошло рассогласование между социально-профессиональными характеристиками людей и их реальным социальным статусом.

[1] См.: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009: Стат. сб. /Росстат.– М., 2009. – С.134.

Возникший в те годы разрыв между трудом и его оплатой дополнился нередким рассогласованием между такими важнейшими социальными характеристиками людей, как образование, возраст, профессиональная квалификация, опыт трудовой деятельности, с одной стороны, и их социально-статусным положением – с другой. Например, множество работников науки, образования, здравоохранения, культуры и искусства, военнослужащих, инженерно-технических работников, обладая сравнительно высоким уровнем образовательной и профессиональной подготовки, оказалось в положении социальных аутсайдеров из-за низкого уровня заработных плат, роста цен на товары и услуги, отрицательных тенденций на рынке труда. Значительная часть специалистов была вынуждена отказаться от своей профессии, которая не приносила необходимых доходов в качестве средств к существованию. Это отрицательно повлияло как на человеческие ресурсы экономики, так и на социальную базу реформирования российского общества.

Система образования, призванная стимулировать вертикальную мобильность и обеспечивать на старте трудовой деятельности равенство социальных возможностей различных групп населения, в реальности начала консервировать социальное неравенство.

Определяющими условиями социального продвижения человека по восходящей линии в 90-х гг. и в дальнейшем стали не его личные заслуги и социально значимые качества, а другие показатели. На основе жизненного опыта в обществе возобладало мнение, что приоритетное значение для достижения социального успеха имеют деньги и связи с «полезными людьми» в органах государственной и муниципальной власти.

Сочетание бедности (и даже нищеты), с одной стороны, с относительно оптимистичными самооценками текущего материального положения – с другой, обусловлено привыканием значительной части населения к реальным обстоятельствам жизни, из которых в течение многих лет оказались исключенными санаторно-курортное лечение, занятия физической культурой, пополнение домашних библиотек и многие другие блага современной цивилизации. Результатом такой трансформации образа жизни и потребительских ориентаций становится своеобразная социальная мутация, суть которой выражается в утрате социальных качеств, присущих населению высокоразвитых стран. Эту реальность подтверждают оценки индекса человеческого развития ООН (включающего социальные компоненты), по которым до реформ в нашей стране в мировом рейтинге он был значительно выше, чем в настоящее время.

Данные опросов дают веские основания для вывода, что главным источником психологического стресса в 90-е гг. стала социальная неустроенность и неуверенность в завтрашнем дне. Так, в группе респондентов, имеющих низкие доходы, состояние острой психологической тревоги по поводу неясной перспективы существования, чувство одиночества, беспокойство, вызванное возможностью потери работы, проявляются в полтора-

два раза чаще, чем в высокодоходной группе. Такое стрессовое состояние, сохраняющееся в течение многих лет, обусловливает широкое распространение аномии общества. Она выражается в амбивалентности (противоречивости) сознания и поведения многих людей.

Например, подавляющее большинство опрошенных в 90-х гг. рассматривали ценность здоровья в качестве наиболее значимых социальных ценностей. Вместе с тем на практике основная часть обследованных относилась (и продолжает относиться) к собственному здоровью весьма небрежно. В совокупности социологических данных о распространенности положительных и отрицательных поведенческих факторов, влияющих на здоровье, доля тех, кто в повседневной жизни действительно бережет свое здоровье, не превышает 25% среди обследованных.

Аналогичный двойственный характер имеют и репродуктивные ориентации населения. На вопрос «Как вы считаете по отношению к себе и близким вам людям, стоит ли в настоящее время заводить детей?» утвердительно ответили 69,3% респондентов, представляющих все возрастные группы, начиная с 16 лет. В то же время из числа женщин-респондентов репродуктивного возраста, состоящих в браке, оформленном в ЗАГСе, только 11,3% выразили безусловную установку на то, чтобы иметь ребенка.

Сравнение репродуктивных ориентаций респондентов разных доходных групп показало также, что по мере снижения уровня доходов уменьшается доля тех, кто желает иметь детей. Такая социальная позиция, во многом обусловленная трудностями жизни, является одной из причин сокращения численности российского населения, которое было весьма значительным в 90-е гг.

В исследованиях отчетливо проявилась статистически значимая связь между психологическим состоянием людей и их социально-демографическими признаками. Стрессы относительно чаще испытывали и испытывают женщины. Ощущение тревоги по поводу неопределенности будущего и возможности потерять работу сравнительно чаще фиксируется у представителей старших возрастных групп. Чувство одиночества более остро проявляется в младших возрастных группах респондентов.

3. Политические процессы

Характер политических процессов в 90-м г. в значительной мере определялся крахом коммунистической идеологии и зарождением плюрализма мнений. Причем не «кухонного» плюрализма, выраженного в критике власти в бытовой обстановке, а демонстрируемого публично. Это проявлялось как в обществе в целом, так и в коммунистической партийной среде. В общественном сознании созрела и в дальнейшем неуклонно крепла установка на отказ от монопольного положения КПСС в политической системе общества, которая в конечном счете обусловила массовое отрица-

ние конституционной нормы, фиксирующей руководящую роль КПСС в советском обществе.

Основными мотивами выхода из КПСС были разочарование в коммунистических идеях и лозунгах, неверие в дееспособность КПСС, нежелание исполнять бюрократические обязанности. Немало было и таких респондентов (до 20%), которые опасались, что принадлежность к коммунистам в будущем может обернуться поражением в гражданских правах.

Таким образом, «горбачевская» перестройка привела не к ожидаемому обновлению КПСС и укреплению ее организующей роли в обществе, а, напротив, к развалу, обусловленному прежде всего ее несоответствием требованиям и представлениям большинства «носителей партбилетов» и неадекватными обстановке действиями партийной бюрократии.

Это обусловило выдвижение на авансцену общественной жизни новых (тогда еще неформальных) политических движений и лидеров общественного мнения, что в принципе соответствовало идеям становления гражданского общества. Вместе с этим распад КПСС и обострение непривычной для общества политической борьбы усугубил политическое отчуждение народа от власти, породил в общественном настроении ожидания национальной катастрофы.

В течение 1990 г. и ориентировочно до середины 1991 г. в политической жизни страны наблюдалось положение неустойчивого равновесия: прежняя система власти постепенно деградировала, нарождающиеся политические образования не имели поддержки в обществе, необходимой для овладения властью. Ситуация начала изменяться в ходе избирательной кампании по выборам первого Президента РСФСР, на начальном этапе которой с существенным отрывом от других кандидатов лидировал Б.Н. Ельцин. По данным общероссийского опроса в мае 1991 г., ему были склонны доверять 48% опрошенных избирателей[1].

Как показало исследование, политические позиции и пристрастия избирателей в значительной мере «департизировались»: 60% из них не причислили себя к сторонникам какой-либо политической партии. Главный мотив электорального выбора состоял не в политической позиции кандидата в президенты. Первостепенное значение приобрела надежда на способность избранного президента вывести страну из кризиса[2]. Именно этим надеждам в наибольшей мере соответствовал сложившийся в общественном мнении образ Б.Н. Ельцина в сравнении с образами других претендентов на избрание – Н.И. Рыжкова, В.В. Бакатина, В.В.Жириновского, А.М. Макашова, А.М. Тулеева.

Одним из наиболее значимых факторов, определяющих динамику политической активности населения после избрания Б.Н. Ельцина Президентом

[1] См.: Выборы Президента России: социологический мониторинг. – М., 1991.– С. 5–7.

[2] См. там же. – С. 11, 41.

РФ, было отношение различных социальных групп и сил к реформированию российского общества. Опросные материалы свидетельствуют, что этот фактор длительное время (1991 – 1997) составлял социально-психологический ресурс поддержки нового политического режима большинством граждан России. Социологические данные в какой-то мере объясняют длительную лояльность общества к проблематичной, по сути, социально-экономической политике правящих кругов в обозначенный период.

Первое объяснение состоит в том, что население хорошо помнило дефицит товаров и услуг, крепостной характер труда по найму у государства и ряд других характерных черт «социалистического» образа жизни. Этот пласт социальной памяти позволил сформировать в умах людей синдром угрозы возврата к старому режиму в случае отказа от предложенного сценария реформ.

Второе объяснение лояльного отношения в обществе к экономической политике периода реформирования 90-х гг. заключается в том, что макроэкономический кризис в стране до поры мало сказывался на экономическом положении среднестатистической семьи. Более того, в городах, где жило большинство населения, обозначилось относительное товарное изобилие, возрос покупательский спрос, расширялось частное предпринимательство. Относительное большинство людей (в том числе и среди малоимущих) надеялось на успех рыночных преобразований и поэтому сравнительно терпимо относилось к экономическим трудностям, выражало мнение о необходимости продолжения реформ.

Одним из наиболее знаковых событий в политической жизни 90-х гг. было принятие новой Конституции РФ. Этому событию предшествовал насильственный роспуск Верховного Совета РСФСР. Политическая реакция населения страны на разгон депутатов Верховного Совета оказалась сильнее, чем даже на «шоковую терапию» экономики и либерализацию цен в 1992 г. Тем не менее принятие новой Конституции РФ не вызвало ее отторжения общественностью.

В сравнении с конституциями СССР 1924, 1936, 1977 гг. она привнесла много нового в правовую систему страны. В новом Основном законе зафиксирован базовый принцип признания человека, его прав и свобод высшей ценностью, то, что Российское государство является правовым, социальным и светским. В этом правовом акте высшей юридической силы детально прописаны права и свободы человека и гражданина, в числе которых равенство всех перед законом и судом, защита материнства и детства, права на охрану здоровья, на образование и многие другие.

Конституция РФ не только отразила общественные изменения в стране, произошедшие в конце 80-х – начале 90-х гг., но и, безусловно, придала импульс развитию системы прав и свобод человека. Социологические опросы показывают, что за годы реформ, и во многом благодаря новым конституционным нормам, массовое сознание россиян в основном раскрепостилось от

прежней идеологической табуированности, стало менее политизированным и более толерантным в оценках частного предпринимательства.

До принятия Конституции политическую жизнь российского общества сотрясала борьба за перераспределение полномочий между институтом президента и высшей законодательной властью, апогеем которой стал скандальный разгон Верховного Совета РСФСР. В дальнейшем конфронтация между ветвями власти была преодолена.

Однако многие проблемы формирования правового государства сохранились. Трудности оптимизации конституционного регулирования жизнедеятельности российского общества сконцентрировались не столько в юридическом содержании конституционных норм, сколько в их реализации в практике взаимоотношений между государством и его органами, с одной стороны, и гражданами, гражданским обществом – с другой. Именно эта сторона функционирования конституционного права, и прежде всего социальный контекст конституционализма, представляет интерес с социологической точки зрения. Речь идет о соблюдении государственной властью в реальной управленческой практике конституционных норм, о формировании отношения граждан к государству в целом и к исполнению гражданских обязанностей – платить налоги, сохранять природу, защищать Отечество и др.

Так, например, по данным общероссийского опроса, в 1995 г. полностью уверены, что обеспечивается неприкосновенность частной собственности лишь около 11% респондентов, соблюдаются основные права и свободы граждан – 5,6%, исполняются законы всеми органами государства – 2,7% и т. д.

Нарушение конституционных норм органами государственной власти и их представителями, от которых зависят законотворческий процесс и правоприменительная практика, обусловили у многих граждан правовой нигилизм, нарастающее политическое отчуждение народа от государственной власти, а также то, что государственная машина в реальности не получила надлежащей социальной опоры.

В связи с этим представляют интерес материалы, характеризующие сложившееся в 90-е гг. отношение российских граждан к политическому режиму (см. табл. 2).

Таблица 2

Оценки политического режима в российском обществе (в%)

Варианты ответов	1998 г.	1999 г.	2000 г.
Демократия	2,2	2,3	8,8
Администрирование аппаратных чиновников	13,5	12,3	22,8
Единоличные решения высших руководителей	18,9	19,8	18,5
Полная неразбериха	54,6	52,8	38,6
Затруднились ответить	10,8	12,8	11,3

Данные опроса в октябре 2000 г. несколько отличаются от результатов предыдущих опросов. Однако, строго говоря, лейтмотив оценок остался неизменным. А именно режим власти, с точки зрения участвующих в опросах, на деле представлял собой симбиоз анархии и административного диктата. Следует иметь в виду, что правовая неразбериха и правовой произвол в правоприменительной практике – явления одного и того же порядка. В повседневной жизни это находило выражение в таких крайностях, как неоправданное вмешательство власти в частную жизнь, в предпринимательскую и иную деятельность и одновременно с этим в ее неспособности обеспечить полноценную защиту и реализацию прав граждан и организаций. По имеющимся данным, более половины населения выражала стойкое недоверие судам, органам прокуратуры, милиции, политическим партиям и движениям. В представлениях подавляющего большинства населения утратили авторитет профсоюзы.

Одним из важных показателей неблагополучного развития политических процессов является маргинализация электоральных позиций множества избирателей, кумирами которых становились случайные политические фигуры, а то и авторитеты криминального мира. Следует обратить внимание и на то, что в целом в обществе демократические процедуры гражданского волеизъявления, восторженно принятые в год первого избрания Б.Н. Ельцина Президентом РФ, стали утрачивать былую привлекательность.

Об этом свидетельствуют изменения в отношении к участию в выборах федеральных структур власти (см.табл.3).

Таблица 3

Отношение избирателей к участию в выборах (в%)

Варианты ответов	1995 г.	1996 г.	1998 г.	1999 г.
Участие в выборах – обязанность гражданина	73,8	71,2	64,9	60,1
Участие в выборах дает гражданам возможность влиять на власти и судьбу страны	61,5	63,0	19,0	22,4

Важно иметь в виду, что в спектре стимулов плебисцитарной активности российских граждан (партийных пристрастий, симпатий и антипатий к личностям политиков, желаний голосованием наказать власть и т. д.) одним из главных было чувство гражданского долга. На всех общефедеральных выборах с 1991 г. (кроме аномального 1993 г.) отмечен достаточно высокий уровень активности избирателей. Это полностью согласуется с зафиксированной в опросах гражданской позицией большинства опрашиваемого населения.

Не желая разделять ответственность с властями за положение страны, не всегда веря в честность выборов и подсчета голосов, большинство все же расценивает участие в выборах как гражданскую обязанность, а не как сугубо личное дело. Косвенно это подтверждают многочисленные

случаи своеобразного гражданского волеизъявления в голосовании «против всех». Так, например, во втором туре президентских выборов в 1996 г. доля проголосовавших против всех и унесших бюллетени составила 6% от количества пришедших на избирательные участки.

Факты свидетельствуют, что если избиратели крайне недовольны внутренней политикой государства, то так называемая «партия власти» остается аутсайдером на выборах. Это наглядно отражено в ретроспективе на примерах: «Выбор России» (Е.Гайдар) и движения «Наш Дом – Россия» (В.Черномырдин), олицетворявших поочередно «партию власти» и завоевавших на выборах в Государственную Думу в декабре 1995 г. соответственно 2,4 и 6,5% голосов от списочного состава избирателей.

Во второй половине 90-х гг. в политической жизни российского общества отчетливо обозначился ряд доминант. Во-первых, как и на закате «горбачевской» перестройки, общественное настроение определялось ощущением надвигающейся и почти неотвратимой социальной катастрофы. По данным различных исследований, от 70% до 80% опрашиваемого населения оценивали политическую обстановку в стране как весьма напряженную или взрывоопасную. Неуклонно повышалась доля граждан, заявляющих о готовности участвовать в акциях социального протеста.

Во-вторых, обострилось противоборство между высшими государственными органами страны и региональными государственными элитами за властные полномочия в перераспределении федеральной собственности и финансовых ресурсов. В этом противостоянии не менее половины опрашиваемого населения, не желая развала страны, все же больше были склонны поддерживать республиканские (в составе России) и региональные органы власти. Подобное наблюдалось в конце 80-х гг., когда власти республик в составе СССР отказывались подчиняться союзному центру.

В-третьих, как в свое время перестройка, так и экономическая реформа утратила привлекательность в обществе в силу того, что каждый очередной год, прожитый в период реформ, представляется большинству россиян более трудным, чем предыдущий.

Наконец, в-четвертых, резко увеличивался потенциал социального протеста в российском обществе. Так, например, в феврале 1991 г. поддерживали митинги и демонстрации против политики властей 42% опрошенного населения, забастовки – 46%. В июле 1998 г. эти показатели составили соответственно – 55% и 48%. Кроме того, 22% респондентов считали вполне допустимыми такие отчаянные акции протеста, как блокирование железных и автомобильных дорог.

Уместно обратить внимание и на другой аспект проблемы взаимоотношений между властями и обществом. Именно в 80-е и в первой половине 90-х гг. российское население привлекалось к массовому участию в политике с помощью механизма социально-психологической мобилизации. Так был резко повышен интерес людей, далеких от политики, к «горбачевской»

перестройке, а затем к установлению нового, демократического устройства России. Под лозунгами «Реформы в опасности» и «Пресечь попытки реставрации прежнего режима власти» население было призвано к участию в общероссийском референдуме 25 апреля 1993 г. (в режиме «Да» или «Нет»). Тогда при минимальном участии населения в политической жизни и при низком рейтинге Б.Ельцина на посту президента для голосования было фактически мобилизовано 64% списочного состава избирателей. Аналогичный механизм и с еще большим мобилизационным эффектом был использован на выборах Президента России в 1996 г.

Однако мобилизационный механизм активизации политической активности во многих случаях был недостаточно эффективным. На выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ в декабре 1993 г., и совмещенном с ними всенародном голосовании по принятию Конституции России, участвовало (по официальным данным) чуть больше половины (54,8%) списочного состава избирателей. Как правило, не действовала мобилизационная модель привлечения избирателей на выборах регионального и муниципального уровней. В итоге к концу 90-х гг., по данным социологических исследований, тонус общественного мнения весьма изменился. В нем стало преобладающим отрицательное отношение к политическому режиму, к действиям органов государственной власти и их руководителям.

© Бойков В.Э., 2011

Ю.А. Авдеев,
В.Л. Ушакова

МОТИВАЦИЯ МИГРАНТОВ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ*

АВДЕЕВ Юрий Алексеевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и медицинской географии Тихоокеанского института географии ДВО РАН (e-mail: avdyural @ mail.ru)

УШАКОВА Валентина Леонидовна – научный сотрудник лаборатории социальной и медицинской географии Тихоокеанского института географии ДВО РАН (e-mail: ushakova@tig.dvo.ru)

* Статья подготовлена при поддержке гранта ДВО РАН. Проект № 09-II-СО11-001 «Миграционные процессы в азиатской России в XIX-начале XXI в.».